

УДК 349.2:342

О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

А. С. Кудрин

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Пермский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации*

Поступила в редакцию 10 декабря 2018 г.

Аннотация: анализируются некоторые причины изменения правового регулирования общественных отношений в сфере наемного труда, вызванные сложившейся политической и экономической ситуацией. Утверждается, что в данный период правовое регулирование трудовых отношений отражало сущность сталинской идеологии: отсутствие свободы труда, использование при регулировании трудовых отношений главным образом метода принуждения, административное управление процессами труда, создание условий, ограничивающих возможность защиты работниками трудовых прав, репрессивные способы поддержания трудовой дисциплины, и служило одним из средств обеспечения выполнения и перевыполнения хозяйственных планов для решения государством главной задачи – повышения производительности труда с целью милитаризации экономики.

Ключевые слова: трудовые отношения, сталинизм, идеология, милитаризация, экономика.

Abstract: the article is analyzed some reasons for changes in the legal regulation of social relations in the field of hired labour caused by the current political and economic situation. It is argued that during this period, the legal regulation of labour relations reflected the essence of Stalin's ideology: the lack of freedom of labour, the use in the regulation of labour relations mainly the method of coercion, administrative management of labour processes, the creation of conditions that limit the possibility of protecting workers' labour rights, repressive ways of maintaining labor discipline, and served as one of the means of ensuring the implementation and over-fulfillment of economic plans for the state to solve the main task – increase productivity with the goal of militarization of the economy.

Key words: labour relations, Stalinism; ideology, militarization, economy.

235

В рассматриваемый период основным субъектом, наделенным социальной властью, выступало государство, что было обусловлено, прежде всего, существованием однопартийной политической системы, опиравшейся на тоталитарную доктрину огосударствления всех сфер жизни общества, отрицавшую многообразие форм собственности.

Важно отметить, что партийное руководство страны резко отвергло новую экономическую политику, которую рассматривало как тактическое отступление от подлинно революционного пути, стремилось к со-

хранению командно-административных методов управления обществом, сложившихся в период «военного коммунизма» и гражданской войны, выражало «революционное нетерпение» желание «одним прыжком», в «кратчайшие сроки и любой ценой» достичь поставленной цели: проведения коллективизации и индустриализации в целях модернизации страны, укрепления ее положения на внешнеполитической арене, обеспечения конкурентоспособности с развитыми капиталистическими государствами.

По этой причине трудовое право, унаследованное от периода нэпа, не могло быть применимо для обеспечения выполнения подобных задач, не отвечало вызовам набравшей обороты индустриализации, и право, будучи формальным регулятором общественных отношений, несло на себе отпечаток теории и практики сталинизма.

В сложившихся условиях выработанные ранее правовые концепции о государстве и праве, базировавшиеся на положениях марксистско-ленинской теории, ученые-юристы и политические деятели (Е. Б. Пашуканис, Н. В. Крыленко, П. И. Стучка и др.) вынуждены были приспособлять к условиям изменившейся политической конъюнктуры, выстраивать их в соответствии с генеральной линией ВКП(б)¹.

Следует отметить, что А. Я. Вышинский, будучи Генеральным прокурором СССР, следующим образом охарактеризовал роль права в обществе: «Право – совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата, в целях охраны, закрепления и развития, общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»².

Такой монополизм в юридической науке фактически лишил ее самостоятельного, объективно-исследовательского, познавательного начала, привел к чрезмерной догматизации, превратил в слепое орудие в руках политического режима для легитимации своих действий репрессивного характера.

Право при сталинизме представляло собой механизм претворения в жизнь политических решений, ограничения прав и свобод граждан, служило средством консолидации людских и материальных ресурсов в угоду усилению государства для превращения его в сверхцентрализованную милитаризованную систему.

Начиная с конца 20-х гг. XX в. происходило нормативное закрепление свертывания нэпа, осуществление форсированной индустриализации и

¹ См.: Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 41 ; Стучка П. И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. М., 1924.

² Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 365 ; Его же. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 106–141.

коллективизации, а в дальнейшем – проведение трудовых мобилизаций, ужесточение трудовой дисциплины, использование экстенсивных методов (увеличение продолжительности рабочего времени и т. п.), а в конечном счете – введение прямого принуждения к труду под страхом уголовной ответственности. С помощью правовых механизмов осуществлялось «стимулирование» трудового энтузиазма, массового трудового героизма, социалистического соревнования, ударничества.

К концу 30-х гг. КЗоТ 1922 г. стал мало похож на первоначальный вариант. С. А. Иванов справедливо замечал, что «КЗоТ утратил свой первоначальный прогрессивный характер: одни его нормы тихо скончались, будучи формально сохраненными в Кодексе... другие отменялись... третьи настолько изменились, что приобрели антисоциальный характер»³.

Характеризуя особенности развития советского трудового законодательства в рассматриваемый период, К. Л. Томашевский полагает, что «1930-е гг. в СССР характеризовались усилением государственного вмешательства в регламентацию трудовых отношений, локальное регулирование уступало место централизованному, возродился институт трудовой повинности»⁴.

В целях регулирования общественных отношений, входящих в предмет трудового права, в сложившейся политической обстановке были изданы многочисленные акты, которые в своей совокупности сформировали трудовое право, существенно отличавшееся от трудового права предшествующего периода.

В результате преобразования в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. мелкотоварного производства частная собственность в стране была полностью ликвидирована, что привело к единоличному господству государственной собственности на средства и орудия производства во всех отраслях народного хозяйства. Укрепление роли государственной собственности обусловило становление государства в качестве единственного работодателя⁵.

В этот же период была перестроена вся работа по заключению коллективных договоров. Решения высших партийных и профсоюзных органов обязывали стороны коллективных договоров уделять особое внимание обеспечению выполнения промфинпланов предприятий. Работники и профсоюзы должны были брать на себя обязательства по выполнению заданий по росту производительности труда, разворачиванию ударничества и социалистического соревнования.

Коллективные договоры все более изменяли свой характер. Их нормативная часть, функции в качестве локального источника регулирования трудовых отношений были сведены на нет. И. Я. Киселев считал,

³ *Иванов С. А.* Трудовое право : история и современность // Государство и право. 1999. № 5. С. 38.

⁴ *Томашевский К. Л.* Система источников трудового права Беларуси (история, теория и практика). Минск, 2013. С. 32.

⁵ См.: *Гончаров А. Ф.* История государства и права СССР : в 2 ч. М., 1966. Ч. 2. С. 264–265.

что «призыв ВКП(б), обращенный к профсоюзам – «вернуться лицом к производству», «вернуться лицом к социалистическому соревнованию и ударничеству», – привел на деле к тому, что коллективные договоры превращались в своего рода договоры о социалистическом соревновании, включавшие почти исключительно взаимные обязательства по выполнению и перевыполнению промфинплана»⁶.

В результате в той системе правового регулирования труда, которая сложилась в стране, коллективные договоры оказались ненужными.

Последняя коллективно-договорная кампания была проведена в СССР в 1933 г. Действие коллективных договоров, заключенных в этом году, было продлено на 1934 г. С тех пор и до 1947 г. коллективные договоры не заключались. Исключение составили предприятия водного транспорта, лесозаготовок и лесосплава, а также торговли, в которых последние коллективные договоры были заключены в 1935 г.

Таким образом, коллективно-договорное регулирование труда было упразднено вследствие ненужности. Данный факт объяснялся следующим образом: «Жизнь показала, что восстановление коллективно-договорной практики нецелесообразно. Коллективный договор как особая форма правового регулирования трудовых отношений изжил себя. Детальная регламентация всех сторон этих отношений актами государственной власти не оставляет места для каких-либо договорных соглашений по поводу тех или иных условий труда. Таким образом, коллективные договоры в рассматриваемый период изжили себя»⁷.

В связи с изменением политической и экономической обстановки и усилением централизации в правовом регулировании труда были приняты постановления ЦИК СССР, СНК СССР, ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов» и постановление СНК СССР, ВЦСПС от 10 сентября 1933 г. «О порядке слияния Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов», произошло, по сути, огосударствление профсоюзов. Они утратили свою самостоятельную роль как представителей трудящихся во взаимоотношениях с государством.

По этой причине Н. Г. Александров полагал, что «передача функций Наркомтруда профсоюзам, являющимся массовой организацией пролетариата, связывает партию с трудящимися, создала возможность еще более широкого вовлечения рабочих и служащих в борьбу за революционную законность в области труда»⁸.

Таким образом, начиная с конца 20-х гг. XX в. в связи со свертыванием новой экономической политики и ужесточением политического режи-

⁶ Киселев И. Я. Трудовое право России. М., 2001. С. 192.

⁷ См. об этом: Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова. М., 1949. С. 166.

⁸ Александров Н. Г. Вопросы труда в советском законодательстве. М., 1936. С. 5.

ма происходит постепенное сосредоточение власти в руках государства, которое с ликвидацией независимости профсоюзов, коллективно-договорного регулирования, частной собственности на средства и орудия производства становится единственным работодателем и единственным субъектом социальной власти в общественных отношениях, входящих в предмет трудового права.

В рассматриваемый период в советском трудовом законодательстве происходили и позитивные изменения. В 1936 г. была принята Конституция СССР⁹. Статья 12 Конституции закрепляла, что в СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по способностям, каждому – по его труду». Статья 118 Конституции предоставляла гражданам СССР право на труд, т. е. право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

В Конституции СССР 1936 г. в отличие от Конституции РСФСР 1918 г. отсутствовало упоминание о всеобщей трудовой повинности.

Конституция провозглашала также право на отдых, право объединения в профсоюзы (ст. 119, 126), запрещала дискриминацию в сфере труда и устанавливала ответственность за нарушение законодательства о труде, в качестве конституционных обязанностей граждан СССР закрепляла обязанность – блюсти дисциплину труда (ст. 136).

Постановлением ЦИК и СНК от 5 октября 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение ей заработной платы по мотивам беременности» в отношении должностных лиц предприятий, учреждений, организаций вводилась уголовная ответственность в виде исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев или штрафа до 1000 рублей.

Постановление Комиссии советского контроля, утвержденной СНК СССР 4 июня 1936 г. «О рассмотрении жалоб трудящихся», запрещало отказывать в приеме на работу по мотивам социального происхождения, судимости в прошлом, осуждения родителей и родственников.

Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек» предусматривало введение для рабочих и служащих всех государственных и кооперативных предприятий и учреждений, проработавших более 5 дней, трудовые книжки «в целях учета рабочей силы». В них вносились основные сведения о работниках: фамилия, имя, отчество, возраст, образование, профессия, сведения о трудовой деятельности, переводах с одного предприятия на другое, поощрениях, основаниях прекращения трудовых отношений.

Для передовиков производства были введены почетные звания, знаки отличия. Указом Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР) от 27 декабря 1938 г. «Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Социалистического Труда» была учреждена высшая степень отличия – звание Героя Социалистического Труда.

⁹ См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.

Следует отметить, что в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны происходило ужесточение трудового законодательства, что выразилось в понижении уровня правовых гарантий для работников. Так, Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» увеличил продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях: с 7 до 8 часов – на предприятиях с 7-часовым рабочим днем; с 6 до 7 часов – на работах с 6-часовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда; с 6 до 8 часов – для служащих учреждений; с 6 до 8 часов – для лиц, достигших 16 лет. Все государственные, кооперативные и общественные предприятия переводились с 6-дневной на 7-дневную рабочую неделю, считая седьмой день – воскресенье – днем отдыха. Согласно данному указу все рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений за самовольный уход с работы подвергались тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев, а за прогул без уважительной причины наказывались исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %.

В Молотовской области (в настоящее время – Пермский край) «в практике работы некоторых судебных организаций выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-1940 г. поставлено неудовлетворительным, например, в нарсуде 2-го участка (г. Березники) имеется необоснованно осужденных за нарушение Указа 40 человек, из них... тов. Антонов – электросварщик ТЭЦ, 17/IX-1940 г. проработал полностью 8 часов, а его осудили, как за прогул. Облсуд дело прекратил... В период с июля по 20 ноября 1940 года нарсудом рассмотрено 50 дел с нарушением пятидневного срока. За этот же период времени по протестам прокурора и кассационным жалобам отменено 40 приговоров»¹⁰.

Наряду с Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 г. было издано постановление СНК СССР от 3 июля 1940 г. «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 7-дневную рабочую неделю для рабочих и служащих, имевших 8-часовой рабочий день», закрепившее повышение норм выработки и снижение сдельных расценок пропорционально увеличению продолжительности рабочего дня. При этом существующие дневные тарифные (или учетные) ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих сохранялись без изменения.

Важно заметить, что из отчетов партийных организаций Молотовской области явно видна цель принятия репрессивных указов 1940 г. – укрепление трудовой дисциплины с целью добиться максимально высокой производительности труда. В частности, отмечалось, что «в ряде предприятий Молотовской области, там, где хозяйственные организации поняли значение и силу указов Президиума Верховного Совета СССР, а

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 116. Л. 28.

партийные организации не ослабляли контроля за деятельностью предприятий и всю свою работу увязывали с работой хозяйственных организаций, эти предприятия добились выполнения и перевыполнения производственной программы, резкого сокращения нарушений трудовой и государственной дисциплины и повышения качества продукции. Например, большинство предприятий Сталинского района г. Молотова выполнили производственную программу»¹¹.

Оценивая изданные в этот период правовые акты в сфере труда, Л. Ю. Бугров, в частности, указывал, что «в 1940 г. из-за сложных политических обстоятельств вновь обозначился возврат к идее о том, что прекращение трудового договора по инициативе работника допустимо лишь в порядке исключения»¹².

Таким образом, в рассматриваемый период истории правовое регулирование трудовых отношений отражало сущность сталинской идеологии: отсутствие свободы труда, использование при регулировании трудовых отношений, главным образом метода принуждения, административное управление процессами труда, создание условий, ограничивающих возможность защиты работниками трудовых прав, репрессивные способы поддержания трудовой дисциплины, и служило одним из средств обеспечения выполнения и перевыполнения хозяйственных планов для решения государством главной задачи – повышения производительности труда с целью милитаризации экономики.

¹¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 116. Л. 2–3.

¹² Бугров Л. Ю. Свобода труда и увольнение по инициативе работника // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2010. Вып. 1(7). С. 77.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Кудрин А. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и права

E-mail: antoune@yandex.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm Branch of the Russian Academy of the National Economy and Public Administration

Kudrin A. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Philosophy and Law Department

E-mail: antoune@yandex.ru